

Отзыв

официального оппонента доктора исторических наук Дутчак Е.Е. на диссертацию Никанорова Ивана Николаевича «Федосеевское согласие в XVIII–XIX веках: оформление традиции», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

В настоящее время диссертационные исследования, посвященные истории церковного раскола и старообрядческого движения – не столь частое явление. «Бум» общественного и научного интереса к староверию, приходящийся на рубеж XX–XXI столетий, прошел. Современное состояние этого предметного поля можно назвать временем осмысления накопленного знания, периодом коррекции, а в ряде случаев – пересмотра принятых оценок, за которыми вполне закономерно идет постановка новых вопросов к уже, казалось бы, давно известным исследователям текстов.

В центре внимания соискателя находится одно из массовых и влиятельных направлений староверия XVIII–XIX в. – федосеевское согласие, процесс складывания идеологии которого специалисты считают недостаточно изученным. Однако не только в этом состоит новизна представленного к защите диссертационного исследования. Как отвечающим *актуальной научной парадигме* его позволяет квалифицировать: 1) нацеленность на поиск корреляций между религиозным текстом и социальной действительностью; 2) подход к сборнику постоянного состава как корпусу текстов, отражающему адаптационные стратегии и одновременно исторические рефлексии составителей.

Здесь необходимо пояснение: в отечественной традиции изучение сборников устойчивого и неустойчивого состава, как правило, является прерогативой филологов, и опыты анализа историками их содержания и способа компоновки с целью получения именно исторической информации – немногочисленны и в большинстве случаев представлены исследованиями новосибирской археографической школы.

Поэтому в методическом плане диссертационное исследование И.Н. Никанорова представляет интерес для профессионального сообщества, поскольку оно показывает, как сборники религиозного характера могут помочь при реконструкции не только социально-экономических, политико-правовых условий жизни конфессиональной группы, но и ее идентификационных программ. Именно это делает диссертационное сочинение И.Н. Никанорова действительно *новым и оригинальным* научным исследованием.

Следует отдать должное автору: он глубоко и обстоятельно знаком с существующей научной литературой по истории староверия и одновременно открыт новым исследовательским подходам. Об этом говорит емкое и содержательное Введение.

Оно выдержано в соответствии с обязательными параметрами квалификационного сочинения: обоснованы актуальность и научная новизна; объяснены постановка цели и методологические основания; аргументирован выбор хронологических и территориальных рамок; корректно сформулированы выносимые на защиту положения; охарактеризован круг используемых для их доказательства исторических источников.

Автор подчеркивает, что первостепенными для него являются 2 сборника постоянного состава «Отеческие завещания» и «Отеческие письма», поскольку их анализ дает основной материал для понимания вектора развития вероучения староверов-федосеевцев.

В совокупности, это позволяет И.Н. Никанорову не только совместить изложение историографии по хронологическому и проблемному принципам, но и органично ввести в историческое исследование методы анализа религиозного текста, разработанные в рамках других социогуманитарных дисциплин.

1 глава «Оформление идеологии федосеевского согласия в XVIII – начале XIX века» в авторской логике должна создавать фактографический фундамент для последующих рассуждений. Вместе с тем автору удалось преодолеть заданную им самим же установку на компилятивность в изложении и сделать несколько важных (причем, не только для историков староверия) наблюдений.

Прежде всего, на материалах раздела отчетливо видно, что русский православный социум XVII–XVIII столетий в своих культурных ориентациях не был монолитным. В частности, региональная специфика Псковско-Новгородской земли – территории с сильными традициями самоуправления – обеспечила популярность идеи мирского выборного руководства религиозной общиной и, возможно, объясняет интерес первого поколения руководителей согласия к памятникам церковного права. Так, И.Н. Никаноров на примере «Польского устава» устанавливает влияние на этот текст Книги Кормчей, Стоглава и «Указа о белорусцах» патриарха Филарета.

Не менее значимым является обращение автора диссертации к чрезвычайно актуальной сегодня проблеме – трансфер религиозных учений.

В диссертации миграция последователей Феодосия Васильева в Речь Посполитую и возвращение на родину представлены через процессы адаптации

вероучения к актуальным в данный момент социальным реалиям. В этом ключе пристальный интерес И.Н. Никанорова к внутрискладообрядческой полемике – вполне оправдан, и автор доказывает, что именно в «прениях о вере» формировался интерес федосеевцев к собственным культурным истокам, следовательно, определялись границы допустимых изменений.

Наконец, следует отметить еще одну сюжетную линию 1-ой главы диссертации – причины успешного встраивания федосеевцев – деноминации с бескомпромиссным эсхатологическим вероучением – в экономическую жизнь Российской империи. И.Н. Никаноров показывает, что «строительство» лояльной, конформистской идеологии в этом случае не является единственным условием. Не менее важным для оппозиционной, дискриминируемой и пространственно распыленной конфессии становится выработка принципов организации, не противоречащих представлениям о правильном жизнеустройстве разных социальных групп – например, крестьян и городского купечества.

Поэтапно реконструируя историю московской федосеевской общины второй половины XVIII – начала XIX вв., И.Н. Никаноров подчеркивает эффективность сочетания в новой системе организации согласия элементов монастырского уклада, целевых установок богадельни и коммерческого предприятия.

В результате, последовательное рассмотрение соискателем программных сочинений лидеров конфессии дает ему возможность, во-первых, установить идейную преемственность «Бесед с православными» Феодосия Васильева и «Книжицы, нарицаемой Житие христианское» Трофима Иванова. Во-вторых, охарактеризовать систему доказательств, с помощью которой были дифференцированы полномочия духовных руководителей согласия и мирских попечителей, а Преображенское кладбище приобрело статус идейного, управленческого и экономического центра согласия.

2 глава «Оформление традиции федосеевского согласия и сборник "Отеческие завещания"» строится на исследовательских находках автора – им сопоставлено 6 списков сборника и на этой основе реконструированы цели составителей, круг используемых ими источников информации и социальные причины, обусловившие сначала появление этого корпуса текстов, а потом полемику по поводу его содержания.

Но поскольку к сборнику «Отеческие завещания» исследователи обращались неоднократно, мне хотелось бы обозначить несколько аспектов, характеризующих вклад И.Н. Никанорова в его изучение.

Еще предшественниками соискателя (Н.С. Гурьяновой, А.И. Мальцевым) было высказано предположение о том, сборник с таким говорящим названием воспринимался его создателями как своего рода идейная платформа для объединения региональных общин под эгидой московской и в этом качестве должен был приостановить центробежные тенденции в согласии.

Проверка гипотезы потребовала от И.Н. Никанорова немалых усилий уже потому, что сборник «Отечские завещания» не имеет авторского текста, и результат могло дать лишь рассмотрение его композиции.

Этот методический прием позволил соискателю воссоздать способы, которые в XIX в. идеологи федосеевцев использовали при решении управленческих задач.

Следует отметить, что названные исследовательские процедуры проведены И.Н. Никаноровым на основе подходов, выработанных в рамках теории памяти. В последнее десятилетие ее понятийный аппарат результативно используется для характеристики адаптивных процессов в староверии, и представленная к защите диссертация свидетельствует о том, что употребление дефиниции «фигуры памяти» оправдано и при исследовании религиозного менеджмента.

Корректный анализ структурообразующих и дополняющих текстов сборника (что особенно важно, поскольку И.Н. Никаноров по спискам второй половиной XIX в. реконструирует события начала столетия) позволяет согласиться с основным выводом соискателя – смысл федосеевского историописания не исчерпывается задачей восстановить события прошлого, обращение к истории для идеологов согласия становится специфическим методом создания устава, регламентирующего повседневность.

И.Н. Никаноров устанавливает, что это стало возможным благодаря обращению, прежде всего, к личности Павла Коломенского, истории Соловецкого монастыря и литературе раннего Выга. Причем, в последнем случае соискатель отмечает значимую для конфессионального сознания закономерность – «приватизация» интеллектуального наследия оппонентов используется как для артикуляции потребности в новых правилах жизнеустройства, так и обоснования собственного мессианства (условно говоря: «мы» стали центром «вселенского православия», потому что «они» право на это утратили).

Для этой цели федосеевские авторы-компиляторы используют документальные источники, и И.Н. Никанорову предстояло определить – этот факт свидетельствует о наметившемся сближении со светским историописанием или все же нужно говорить о сохранении связей с древнерусскими историческими произведениями.

Разбор соискателем структурных и текстовых особенностей 6 списков сборника «Отеческие завещания», сопоставление со «Степенной книгой царского родословия» (очень трудоемкие процедуры!) приводит его к выводу – исторические экскурсы в «Отеческих завещаниях» не превращают этот труд в «светское» исследование прошлого, а призваны найти место федосеевскому согласию в мировой христианской истории.

Этот разворот очень интересно представлен соискателем при рассмотрении сюжета о Курженском соборе: автор диссертации раскрывает, почему упоминание о нем не делает историка-федосевца фальсификатором в прямом смысле слова, а как раз открывает логику конструирования конфессиональной генеалогии.

Однако если выводы относительно замысла «Отеческих завещаний» не вызывают возражения, то этого нельзя сказать об использованной терминологии.

На с. 161 И.Н. Никаноров пишет, что в сборнике нашла отражение традиция согласия, но учитывая сложность стоящей перед его составителями задачи (консолидация конфессии), речь все же должна идти о попытках ее ревидии, систематизации и кодификации. Иными словами (если пользоваться терминологией теории памяти) – о стремлении перейти от уровня коммуникативной памяти к памяти культурной, письменно зафиксировать «правильные» практики коммеморации и, тем самым, поставить под контроль адаптационные и идентификационные процессы в согласии.

Ведь именно об этом идет речь в 3-ей главе диссертации «Восприятие и адаптация традиции в федосеевском согласии в XIX веке», являющейся логичным продолжением предыдущего раздела.

Она посвящена истории бытования сборника «Отеческие завещания», что в свою очередь потребовало от соискателя проанализировать еще один корпус текстов, так называемые, «Отеческие письма» – послания и переписку наставников Преображенского кладбища за период 1805–1862 гг.

Связь между двумя сборниками И.Н. Никаноров оправданно ищет в меняющихся социальных реалиях и типичном для староверия XIX – начала XX вв. конфликте столичной и региональных общин. Для реализации этой задачи соискатель сопоставляет их тексты, историю складывания и «на выходе» получает перечень актуальных для федосеевцев тем – брак, крещение, внешний облик старовера и его досуг.

В этом перечислении нет неожиданностей – он вполне традиционен и высвечивает конфликт интересов, известный по материалам других направлений

староверия, что тоже закономерно: старообрядчество составляли разные по мировоззрению и способам жизнеустройства социальные группы.

Заслуга И.Н. Никанорова мне видится в другом. Расширяя корпус анализируемых источников, он находит дополнительные аргументы в пользу высказанного во 2-ой главе тезиса: для религиозного сообщества отбор и копирование авторитетного корпуса текстов не объяснимы мемориальными («архивными») целями; за этими действиями стоит задача создать руководство по организации контактов с иноверным окружением и собственной повседневности.

Это очень важный итог работы по реконструкции интеллектуальной истории федосеевского согласия, который может быть оценен, как минимум, по двум параметрам – квалификационному соответствию и научной перспективности.

Если говорить о формальных требованиях, то необходимо отметить, что вывод является убедительным завершением исследования и доказан корректным анализом широкого круга источников. Как раз последнее свидетельствуют о высокой степени обоснованности и достоверности сформулированных в диссертации положений и выводов.

Добавлю, что текст диссертации дает возможность читателю проверить авторские умозаключения, поскольку снабжен приложениями, раскрывающими содержание исследуемых сборников.

Остается только сожалеть, что И.Н. Никаноров не счел возможным дать полноценные археографические описания рукописей, с которыми он работал, ограничившись констатацией их «парадного оформления» и указанием в подстрочнике на с. 203, что «датировка связана с археографическими особенностями рукописей». Вместе с тем, помещение в текст диссертации информации о проведенной историко-документальной экспертизе (маркировочных знаках бумаги, декоре, почерках и т.д.) украсило бы работу и, возможно, стало бы дополнительным аргументом при раскрытии тезиса о широкой популярности в среде федосеевцев изучаемых сборников.

Научная новизна и перспективность заявленных научных положений, на мой взгляд, обеспечивается тем, что диссертация И.Н. Никанорова доказывает, что сборник текстов религиозного содержания необходимо рассматривать как особый тип исторического источника, а также следует изучать не только историю появления входящих в него текстов, но и кумулятивный эффект, возникающий при их объединении.

Представляется, что одной из возможных линий развития исследования в этом ключе может стать ревизия используемой в отечественном религиоведении

терминологии. Обстоятельный анализ соискателем авторских и компилятивных сочинений, составляющих федосеевскую идейную традицию, дает для этого основания. В диссертации убедительно показано, что дрейф конфессиональной доктрины от неприятия «чужого» к сосуществованию с ним идет параллельно с развитием культуры покаяния. И встает вопрос – насколько тогда категории «радикализация» / «дерадикализация» являются универсальными и исчерпывающими при описании нюансов русской религиозной мысли XVIII–XIX столетий.

Именно научный потенциал и бесспорные достоинства работы И.Н. Никанорова позволяют мне высказать несколько соображений и задать вопрос, ответ на который надеюсь услышать в рамках публичной защиты.

Хотелось бы понять, чем руководствовался автор, используя разные системы классификации источников. Во Введении им предложено деление на документальные и нарративные, в Списке источников и литературы – на опубликованные и неопубликованные, но при этом в тексте отсутствует полноценное представление их по видовому принципу.

Хотя, на мой взгляд, именно презентация по видам позволяет, с одной стороны, показать контекст появления сборников религиозного характера, степень влияния на его структурные особенности экономических, политических и прочих реалий; с другой – избежать двусмысленности (за время подготовки к защите, например, кто-то мог опубликовать документ) и курьезов (на с. 85 автор пишет о соборном постановлении 1816 г. как «не введенном в настоящий момент в научный оборот», как бы забывая, что именно эту проблему решает его собственное исследование).

В заключении необходимо отметить, что представленное к защите исследование выполнено на высоком научном уровне и с использованием современных аналитических подходов и методов. Его автор демонстрирует умение работать с историческими источниками сложной природы, способность к формулированию новых научных положений и выводов, и что особенно ценно – очевидную увлеченность темой. Последнее как раз искупает встречающиеся смысловые повторы, стилистические погрешности и эпизодическую небрежность в оформлении сносок.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации и соответствует предъявляемым требованиям. В автореферате диссертации указаны 4 публикации по теме исследования в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и 12 публикаций в других научных изданиях и сборниках материалов международных и всероссийских конференций. Все они отражают и развивают основные идеи диссертационного сочинения.

Считаю, что диссертация «Федосеевское согласие в XVIII–XIX веках: оформление традиции» представляет собой квалификационное, завершённое и оригинальное научное исследование, которое соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а его автор, Никаноров Иван Николаевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
профессор кафедры отечественной истории
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»,
доктор исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история),
доцент

Дутчак Елена Ерофеевна

12.01.2018 г.

Контактные данные организации:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефон: 8 (3822)529852;

E-mail: rector@tsu.ru; сайт: www.tsu.ru.

